

ВЛАДИМИР НЕРОБЕЕВ

Приключения
охотника и его четвероногого друга
по кличке

МАРСИК

12+

Владимир Неробеев

**Приключения охотника и
его четвероногого друга
по кличке МАРСИК**

«ЛитРес: Самиздат»

1996

Неробеев В. С.

Приключения охотника и его четвероногого друга по кличке
МАРСИК / В. С. Неробеев — «ЛитРес: Самиздат», 1996

Приключения собаки и его хозяина происходят на самом краешке земли русской, на Колыме. Автору удалось создать русский аналог «Белого Клыка» Джека Лондона. Это- суровая и трогательная история дружбы собаки и человека. Они не раз выручали друг друга из безвыходного положения.

Содержание

Часть первая. Сотвори себе друга	5
Часть вторая. Если друг оказался вдруг	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Часть первая. Сотвори себе друга

Глава 1. Пока ещё не Марс, а только Марсик

В сарае было темно и зябко. От бревенчатых стен несло сыростью и плесенью. В углу на охапке прошлогоднего сена семеро слепых щенков жались друг к другу, пытаясь согреться. Еле заметная дрожь одного из них тут же пробежала по другим, как по замкнутой цепи электрический ток. Не будь прошлогоднего сена, неизвестно чем бы всё кончилось для бедолаг. Их мать, оценившись, подохла, оставив хозяину не предвиденные хлопоты. По натуре человек бессердечный, он не догадался забрать щенят в дом. Один раз в день, вечером поил их молоком из бутылки через надетую на неё соску. И на том спасибо!

На улице были все признаки весны: снег на придорожных сугробах потемнел и стал ноздреватым; днём на дорогах появлялись лужицы, из которых талая вода робко сбегала в кюветы; под крышами, “потея”, росли толстенные сосульки. Но морозы, особенно ночью, были ещё очень крепки. С наступлением темноты деревянные стены сарая потрескивали и под утро покрывались седым инеем. Мороз жгучими иголками впивался в беззащитные щенячьи тельца, – они ещё теснее жались друг к другу. Лежащим с краю доставалось больше всего, поэтому каждый стремился в середину, отчего живой клубок щенячьих тел был в постоянном движении. Невольно сам собою соблюдался непреложный закон Колымы: движение – жизнь, всё остальное – Вечная Мерзлота. Успокаивались они только утром, когда солнце нагревало металлическую крышу, заставляя стены обильно “плакать”. Мороз отступал до вечера, чтобы ночью вновь издеваться над живыми комочками.

Но вот в сарай вместе с хозяином пришёл мужчина. Речь его лилась неторопливо. Спокойный бархатный голос журчал, как тот ручей, что появлялся после обеда за сараем. Мужчина осмотрел всех щенят и остановил свой выбор на крутолобом.

Уже после первого прикосновения тёплых рук мужчины щенок перестал дрожать. Когда же его посадили в меховую рукавицу, он понял, что есть другая жизнь, не похожая на собачью. Жизнь в тепле, от которого хочется долго, долго спать и не просыпаться. Ещё бы! В рукавице, да за пазухой. Такого блаженства он никогда не испытывал. Оттого-то и уснул, как убитый. Даже не слышал, как новый хозяин нёс его через весь посёлок, вошёл к себе в дом, не вынимая из рукавицы, положил около теплой печки на мягкую подстилку. Сколько он спал, неизвестно. Разбудили его людские голоса: женщина вела задушевный разговор с мужчиной.

– Какой он породы? – тепло и просто спросила женщина.

– Отец его – восточноевропейская овчарка, – звучал в ответ баритон, – а мать – чукотская ездовая.

Люди говорили тихо, чтобы не потревожить щенка. Крутолобый догадался, что речь шла о нём. Нежась в тепле, он затаил дыхание, вслушиваясь в приятные голоса доселе ему незнакомые.

– Каким он будет, когда вырастит? – допытывалась женщина.

– Во-первых, большой, как овчарка. Видишь, лапы какие здоровенные ...

– Скажешь тоже! – засмеялась женщина. – Весь в рукавице уместился.

– Ты сравни с туловищем, – оправдывался мужчина. – Посмотришь, когда вырастит, будет выносливым весь в мать, а большим – в отца.

Как приятно слушать о себе такие лестные слова. Если бы ещё от голода не сосало под ложечкой, всё было бы прекрасно.

– А какого цвета будет его шерсть? – не унималась женщина.

– Чуть темнее, чем у волка, с серыми подпалинами на боках.

Как у волка! Ничего себе!! От такого сравнения хоть у кого дыхание перехватит. Крутолобый от натуги выпучил глазки, они возьми да приоткройся. В узкие щелочки глаз ударил яркий свет, да так неожиданно и сильно, что пришлось забыть про свою родословную и трусовато заскулить.

Люди давно ждали этого момента. Они приготовились заранее. Развели тёплой водой сгушёнку и держали её у печки, чтобы не остыла. Щенок и рта не успел открыть, как соска со сладкой влагой очутилась у него на языке. Такая вкуснятина-а! И главное – её много, и никто не отнимал. Крутолобый от удовольствия закрыл глаза. Пил долго, жадно покряхтывая и судорожно сопя. Коготки передних лап машинально вонзались в мягкую подстилку. Не открывая глаз, крутолобый с соской в пасти заснул.

Так повторялось долго.

Каждый раз, просыпаясь, он щурил глаза, привыкал к свету. Перерывы между сном становились всё дольше и дольше. Теперь он мог оглядеть кухню, окна, откуда проникал яркий свет на белый потолок и стены. Всё вокруг было таким интересным: стол, табуретки, тумбочка. Но одно дело видеть всё это. Инстинкт же, выработанный веками в крови предков и переданный ему в наследство, подсказывал не полагаться только на глаза, нужно обнюхать всё и запомнить запах каждого предмета. Любопытство брало верх над страхом перед неизведанным. Щенок поднимался на неокрепшие лапы, шатаясь по сторонам, ковылял к столу, тыкался носом в его дверки, в ножки табуреток. Слабые лапы предательски дрожали, отчего туловище его покачивалось как взад и вперёд, так и по сторонам, словно его подвесили на верёвочках. От этого щенок неуклюже тыкался носом всякий раз, когда хотел обнюхать предмет. Лапы не выдерживали веса тела, быстро уставали. Щенок на какое-то время присаживался отдохнуть, заодно обдумать полученную информацию. Стол и табуретки никакой опасности не представляли. Тумбочка тоже не страшна, но запах духов на спирту и запах лекарств вызывали подозрение. Надо это запомнить и без особой надобности не трогать тумбочку.

К холодильнику крутолобый подошёл в тот момент, когда у того включился мотор, и в трубках на задней стенке что-то засипело. Щенок отпрянул назад, задумался. Решил, лучше с этим ящиком не связываться, ибо тот фырчал, стучал, выражая недовольство, а это, как подсказывал опыт предков, к хорошему не приведёт. В том крутолобый тут же убедился: стоило щенку чуть отойти от холодильника, как тот замолчал и вёл себя спокойно. Крутолобый развернулся, пошёл к печке, остановился перед дверкой поддувала. Качаясь взад и вперёд, ткнулся в неё носом и тут же с визгом отпрянул. Что-то куснуло за самый кончик носопырки. Пришлось тереться о лапы, чтобы уменьшить жжение. Когда боль немного утихла, щенок напрягся, робко зарычал и несколько раз тоненько тявкнул, мол, сдурела что ли (это он дверке). Хотел только понюхать, а ты сразу кусаться. Услышав впервые свой голос, крутолобый сильно удивился и осмелел. Склонив голову на бок, для пущей важности тявкнул ещё два раза. Мол, знай наших, не на того нарвалась.

Первая боль была не столько сильной, сколько обидной, а главное неожиданной и поучительной. Теперь он никогда не прикаснётся к металлическим дверкам печки, а, проходя мимо, будет предостерегающе лаять на них и держать себя настороже даже летом, когда они бывают совершенно холодными.

Первое знакомство с окружающим миром убедило крутолобого в том, что не нужно быть размазнёй и простачком. От греха подальше с каждым предметом надо держать ухо востро, иначе не избежать беды.

Ложась на мягкую подстилку, крутолобый мысленно радовался, что в доме не было хозяев и о его конфузе им ничего неизвестно. Уж больно не вязалась такая бестолковость с его родословной, выданной хозяином.

В первые дни, пока хозяйева бывали на работе, крутолобый ознакомился и с другой комнатой. Там мало интересного: кровать и шкафы. Правда, очень уж хорош толстый– толстый ковёр

на полу! На него так приятно дудолить! Лучшего придумать просто невозможно. Он такой большой-большой, если дудолить понемножку – на всю жизнь хватит. Но вечером хозяин, потыкав щенка носом в мокрые места на ковре, убедил его в том, что дудолить нужно в ящик с песочком, что стоит в углу около тумбочки. (А ковёр, оказывается, нужен для каких-то других целей). Крутолобому было очень обидно. Так вот прямо носом, носом тыкали! Вскоре обида улеглась сама собой, ибо вечером решался очень важный вопрос.

– Как назовём малыша? – спросила хозяйка, ставя посуду на стол.

А, действительно, как? Её муж называл Матвеевной. Она мужа Матвеем. Нужно определиться и со щенком.

Матвей заряжал патроны. Дело мудрёное, надо быть внимательным, но не на столько, чтобы не обсудить эту важную тему.

– Я думаю так, – начал обстоятельно объяснять своё соображение Матвей. – Коли собака будет охотничьей, то кличка у неё должна быть короткой, как выстрел.

– А может Джульбарсом? – предложила Матвеевна. – Помнишь, кино такое в детстве смотрели. Большая собака... и умница превеликая была.

– Да, да помню. Я тоже смотрел не один раз. Прекрасная собака, но кличка длинновата, – возразил Матвей, – нужно коротенько...

Какое-то время молчали, думая каждый о своём.

– Назовём Верным?!? – предложила хозяйка. – Верный, Верный, – повторяла она, прислушиваясь к своему голосу, – звучит неплохо.

– Верным каждую собаку в посёлке зовут, – возразил Матвей, – у Мышовых Верный, у Елесеевых Верный, – он замолчал и задумался на какое-то время.

Щенок вслушивался в голоса людей, ждал своей участи.

– А мне так хочется Верным назвать, – закапризничала было жена.

– Назовём, – сказал Матвей после некоторой паузы. – Марсом.

– Марсом? – переспросила Матвеевна, подумала, словно что-то взвешивала, – а что, хорошо звучит. – Марс-сс... Марс-сс, – повторяла она, прислушиваясь к своему голосу.

Так и решили. А чтобы отметить это событие, Матвеевна нарезала тонкими ломтиками колбасу и положила перед именинником. Он такого запаха ещё ни разу не чувствовал! А когда стал жевать каждый кусочек долго и настойчиво, то понял, что сегодня, действительно, праздник, ибо такую пищу едят только боги!

Колбасы было так много, а около печки так тепло, и на душе так приятно оттого, что он теперь уже Марс. Сон незаметно сморил щенка. Спал он сладко и долго. Почему-то среди ночи приснился страшный сон: будто печка не давала ему проходу. Так и норовила схватить его, укусить то за лапу, то за нос. Она мельтешила перед ним неотвязно, – куда он – она перед ним. Вот – вот цапнет! Вот-вот цапнет! Когда, казалось, уже не было сил увернуться от неё, лапы предательски подкашивались, а она треклятая в сантиметре от его носа. Марс проснулся, вскочил, часто дыша, открыл глаза. На кухне было темно, хоть глаз коли. Дверка печки светилась багровым пятном, дышала на пол таким жаром, что стало жутко и страшно. Марс жалобно заскулил, заныл, словно с жизнью расставался, поплёлся во вторую комнату, где спали хозяйка.

– Марс, прекрати канючить! – строго приказал хозяин, – накажу...

Проснулась и хозяйка. Заспанным голосом пролепетала она:

– Ну, какой он Марс!!? Зови его пока Марсиком.

Матвей взял щенка на руки, положил рядом с собой, и стали в две руки гладить его, приговаривая:

Ма-арсик! Ма-арсик!

Глава 2. Воспитай себе друга

Марсик быстро рос, набирался сил. Уже не шатался по сторонам, как раньше. Лапы его окрепли, и он шустро бегал по комнатам. Предметы в доме знал наперечёт. Они для щенка уже не представляли такого интереса, как в первые дни. Теперь его больше занимала дверь, что вела из дома. За той дверью ежедневно исчезали хозяева, оставляя его одного. Всякий раз, провожая их, Марсик подолгу стоял у порога, склонив голову на бок, прислушивался к затихающим шагам. Весь день щенок проводил у загадочной двери в ожидании людей. Скулил, царапался, пытаясь открыть дверь, но она нисколько не поддавалась. Была как стена, неподвижной. Марсик обиженно таякал на дверь, иногда притворно капризная, но она как – будто не слышала его голоса. Порой он злился, грыз её зубами. Бесполезно! Как заколдованная!

Обиженный Марсик отходил к подстилке, ложился, тяжело вздыхая, и не спускал глаз с дверного проёма. Упрямая дверь заставляла щенка думать о людях. Они – то как – то справляются с ней? В его слабом, ещё неразвитом сознании, хозяева, так легко открывавшие двери, казались всемогущими. И не только из-за двери. А колбаса, молоко, мясо! Откуда у них эта вкуснятина? Загадочны эти двуногие существа! Загадочны и всемогущи. Как легко они управляют огнём. Инстинкт предков подсказывал щенку – хозяев, которые кормят его и поят, нужно слушаться, беспрекословно выполнять их пожелания.

Как раз об этом же мечтали Матвей с Матвеевной, когда надумали брать щенка. Они хотели иметь собаку умную, послушную. С их помощью Марсик становился желанным их сердцу псом. С их помощью он познавал удивительный мир, окружавший его.

В один воскресный день Матвеевна пошла выпустить кур из сарая. Уже вовсю бушевала весна. В открывшиеся двери на Марсика пахнуло легким ветерком. Сколько запахов! Тысяча! Миллион! А какое зрелище обворожительное! От дома к забору и дальше за штaketником до самой дороги стелилась молодая трава, набирающая силу. Она, как и Марсик, совсем недавно появилась на свет, удивлённо смотрела на всё своей яркой зеленью, игриво и послушно склонялась от ветра. Она завораживала, манила к себе на лужайку, мол, смотрите какой простор, какое раздолье! Красотища какая! Да разве удержишься от такого соблазна!

Марсик семенил туда – сюда по порогу. Он видел и Матвея, стоявшего у забора, и Матвеевну, открывшую сарай. Ему хотелось к ним. Но кто придумал такой высоченный порог? Как с него слезть?

–Матвеешка, помоги же ребёнку, ведь разобьётся, -притворно залепетала хозяйка. Она сегодня выглядела очень красивой! Мягкие светлые волосы, голубые глаза, утопавшие в густых ресницах, ослепительной белизны зубы, – всё сливалось в одну обворожительную улыбку. Такой встречала Матвеевна свою сороковую весну. Рано утром Матвей подарил ей красивую коробочку с золотыми серьгами. Потом они вместе с Марсиком подавали ей в постель кофе с мороженым. Поздравляли с днём рождения, целовали руки. Марсику она разрешила лизнуть её в щёчку. Всё шло хорошо, даже отлично и вдруг этот несчастный порог!

–Ничего, ничего, – успокаивал Матвей жену. Он стоял около забора, широко расставив ноги. Эта привычка у него осталась ещё с морской службы, -при хотьбе широко расставлять ноги. Дополняли его крепко сложенную фигуру широкие плечи, посаженные на рельефный торс. – Не разобьётся, -серьёзным тоном промолвил хозяин. – Пусть сам всё делает. Это ему только на пользу.

Марсик суетился на пороге, скуля и повизгивая. Из раскрытых дверей сарая вышли куры. Заметив на пороге щенка, красногрудый петух тряхнул мясистым гребешком, важно переступая с лапы на лапу:

–Ко-ко-ко!Высоко-оо!

–Куд-куда ему!Куд-куда ему!-это белая курица засомневалась, мол, разве такой маленький с такого высокого порога...Это Марсик – то маленький!? Как бы не так! Щенок крепко зажмурился, присел на все четыре лапы, оттолкнулся вверх и шмякнулся на землю, покатился

по траве. Тут же вскочил, как ни в чём не бывало. И ни сколечко не больно. Только где-то внутри ёкнуло слегка. Так всегда бывает при сильном ударе.

К щенку подошёл Матвей, ласково потрепал за уши, от души восторгаясь его смелостью. В награду протянул кусочек сахара. То была первая награда. Сколько их будет впереди?! Но первая – есть первая. Запомнилась на всю жизнь. Маленький белый кусочек, – такая сладость! Правда, он тут же растаял на языке, словно вывалился из пасти. Марсик облизнулся, суетливо обнюхивая под собой траву, в которой, как показалось ему, затерялся белый кусочек.

Матвей помнил советы бывалых охотников: как можно меньше давать сладостей; они вредны для щенка, пагубны для развития его костей. Сахар нужно давать редко ещё и потому, чем реже лакомство, тем оно слаще, а значит успешней пройдёт дрессировка молодой собаки.

“До дрессировки ещё далеко, – думал хозяин, – щенку только три месяца”. Матвей и не подразумевал, что она уже шла полным ходом. С того самого момента, когда он потыкал щенка носом в мокрые пятна на ковре. Природа щедро наградила щенка сообразительностью. Достаточно было одного раза “проучить” и Марсик усвоил, что есть вещи, которые ни в коем разе нельзя делать. Нужно только понять хозяина, предугадать его желание. Так Марсик, сам не ведая того, стал “читать” взгляд хозяина. И не только его. Позднее он убедится, что и чужих людей можно легко распознавать по взгляду, – хорошие они или плохие. У хороших людей глаза добрые, приветливые, как у Матвеевны. Глянешь в них и хочется улыбаться. Её душа открыта вся нараспашку. Матвей тоже добрый человек, хотя и скрытный. Его взгляд всегда серьёзен и всегда задумчив. Он как –будто находится в другой жизни: всё думает и думает. Матвеевна без умолку тараторит. Матвей наоборот, говорит редко, но твёрдо и уверенно. Интонация голосов приучила Марсика по – разному относиться к хозяевам. Матвею, например, он всегда уступал дорогу, заходил в дом только после хозяина. С хозяйкой же поступал иначе: так и норовил прошмыгнуть перед ней в комнату или сарай. Ласковый взгляд Матвеевны, нежные руки, задушевная речь нравились Марсику. При ней можно было шалить, вести себя раскованно, даже слегка легкомысленно. Хозяин был всегда серьёзен, а стало быть, строг и свободное поведение Марсика могло показаться ему неуместным. В хозяине подспудно чувствовалась сила, твёрдость характера. Движения всегда решительные, уверенные. Взгляд смелый и устремлённый вперёд. У хозяйки получалось всё иначе: мягче, расплывчатее, нежнее. Однако строгость хозяйина Марсику была больше по душе. И дела, которыми занималась хозяйка, были не столь интересными для собаки: вязание, стирка белья, мытьё посуды. Это непонятно собачьему сердцу. Другое дело, когда хозяин доставал из шкафа охотничий рюкзак. Лет десять тому рюкзаку. Сколько дичи, сколько рыбы перебивало в нём! Каждая ниточка его крепкой материи хранила столько запахов, сколько в симфонии звуков. И хотя Марсик ещё дальше своего сарая никуда не ходил, он всем существом своим слышал те обворожительные звуки симфонии, которые у людей называются словом “охота”. Кровь далёких предков будоражила душу молодого пёсика. Он ещё не ведал таёжного костра, но запах дыма, не смывающийся ни в одной стирке (стирай рюкзак не стирай), приводил Марсика в трепет. Он прислонял нос к полотняной материи, долго тянул в себя воздух, уставившись взглядом в одну точку, словно незримо читал неведомую книгу. Шерсть на его спине и холке становилась дыбом, и тогда щенок робко и неумело рычал. Шкура на теле вдруг вместе с шерстью начинала играть мелкими волнами, перекачиваться. Задние лапы в эти минуты приплясывали на месте, поддаваясь той дрожи, которая обуревают собаками при виде живой дичи.

–Чтобы мы там понимали! – смеялась Матвеевна, отрывая свой взгляд от вязания. – Аж поджилочки трясутся!

–А то нешта! – подхватил разговор Матвей. – Его душа сейчас незнамо где находится. Нутром чувствует, как его предок в десятом или двадцатом колене дерётся с медведями, или оленей окорачивает, или тащит тяжёлую упряжку.

Марсик, видя, что хозяин не возражает против его действий и даже молча потворствует этому, носом ткнулся в стенку рюкзака. Один раз, другой, третий. Заискивающе смотрел на хозяина, как бы спрашивая: "Что там в рюкзаке? Покажь..."

Матвей развязал потёртые капроновые бечёвки, достал разобранный и завернутое в тряпку ружьё. Марсик принялся к цевью, к ложе. Закрутил хвостом. Знакомые запахи! Деревяшки пропитались потом рук хозяина. И только стволы (брррр!) воняли порохом, наводя ужас. Марсик прижал уши, когда хозяин поднял перед собой стволы и заглянул в них. Марсик боязливо отошёл в сторонку. Инстинкт, опыт прежних поколений подсказывал, что перед этими металлическими трубами, изрыгающими смерть, стоять не безопасно. Лучше, от греха подальше, отойти в сторонку.

–Испугался!?– удивилась Матвеевна.

–Не столько он сам, – ответил муж, – сколько "сидящие" в его крови предки. Любое зверьё боится ружейных стволов...Ничего, – дружески теребя Марсика за уши, продолжал Матвей, – ходит со мной на охоту– обвыкнется.

Да. Пройдёт какое-то время и Марсик привыкнет к ружью, к выстрелам. А вот рюкзак в руках хозяина будет всегда будить в нём охотничью страсть и дрожь в коленях.

Матвей, в процессе жизни наблюдая за Марсиком, заметил поразительную вещь: обычно они рыбачили и охотились по выходным; в пятницу вечером хозяин должен был готовить рюкзак, а Марсик уже утром в пятницу, провожая Матвея на работу, приплясывал на месте, радостно тьявкал, испытующе смотрел на хозяина, мол, не забыл, завтра на охоту; мало того, хозяйку в этот день он в упор не замечал. Будто её вообще не существовало. В ответ на ласку он мимоходом лизал хозяйке руку. Погоди, мол, некогда, видишь, мы заняты делом.

В Марсике было что-то от человека. Он, как и все нормальные люди, стеснялся принародно отправлять свои естественные надобности. Для этого облюбовал местечко в дальнем углу за сараем, чтобы никто не видел.

Много чего удивительного подмечал Матвей в Марсике. О некоторых вещах мог догадаться только человеческий ум, но никак не собачий. Как, допустим, утолить собаке жажду, когда рядом нет ни реки, ни озера, и снег ещё не выпал. Вдоль дороги только лужи, затянутые льдом, который даже не трещал, когда по нему пробегал Марсик. Если пёс хотел пить, становился на лёд, поднимался столбиком на задних лапах, передние опускал вниз как прямые палки и ими, вкладывая всю силу своего корпуса, ударял по льду. Если вода в луже оказывалась слишком мутной, Марсик искал лужу поглубже и побольше и повторялась снова картина, где он с удивительным упорством разбивал лёд.

Очевидно, сообразительность Марсик унаследовал от отца– восточноевропейской овчарки. Никто его не учил ходить по следу. Однако, хозяина, уходившего по вечерам к друзьям блицевать в шахматы, он находил без особого труда. Матвей за шахматами забывал про всё на свете. Не позови жена его поесть, сутками мог сидеть за доской. Матвеевна знала эту слабинку мужа. Когда ужин бывал уже готов, она открывала дверь, выпускала Марсика:

–Ищи хозяина, ищи. Веди его домой.

Одно удовольствие иметь такую собаку. Матвей втайне гордился Марсиком. Сообразительность собаки удивительным образом сочеталась с беспрекословным послушанием. Не слепым, рабским послушанием, а честным служением своему хозяину. Марсик никогда не хитрил, не юлил перед хозяином, не капризничал. Все команды выполнял в полную силу, выкладывался весь до конца.

Как-то раз Матвей подбил утку-чернеть. Подранок упал в озеро на глазах у охотника и собаки, как камень в воду канул: ни слуху, ни духу. Чернеть -хитрая тварь! Погрузится в воду, лапками зацепится за водоросли. На поверхности один только нос торчит с двумя дырочками – сопелками. Марсик запросился в воду, хотя видно было по его поведению,– местонахождения подранка он не знал, просто зыркал взглядом по озеру туда – сюда. Матвей разрешил ему, а

потом и сам был не рад. Только пёс приблизится к подранку, тот спрячет нос в воду и под водой отплывёт на безопасное расстояние и снова из воды один только нос торчит. Стрелять по нему бесполезно, -трата патронов и времени. А Марсик никак не унимался, старался, огребаясь во все лопатки, бедняга скулил, повизгивал, но не останавливался. Матвей на берегу уже порядком замёрз, а пёс всё “утюжил” озеро, пока подранок не выдохся.

Выносливость и упорство Марсика поражали видавших виды рыбаков и охотников. Сила была в нём неумяная. Мог часами тащить против течения резиновую лодку, забитую до краёв рюкзаком, спальником, рыбой, битой дичью. Навыки предков по материнской линии пригодились Марсику как нельзя кстати: Матвей с хозяйкой и горюшка не знали, что такое носить воду. Только Матвей загремит баками, ведрами, Марсик уже стоит перед санками, ждёт, когда его впрягут в постромки. Всё воспринимал играючи. Ничего себе игрушки – сто пятьдесят литров воды! на санках, а иногда Матвей из любопытства на ровном участке дороги становился на полозья санок сзади, и Марсик тащил груз. Приседал к земле, сгибал задние лапы, передними цеплялся за утоптаный снег, повизгивал, тяжело дышал, но тащил...

Особо в Марсике Матвей ценил бесстрашие, его бойцовские качества. С шавками не связывался. Победу над таковой, очевидно, считал для себя позорной. Проходил мимо, даже не глядя на оную. Другое дело, когда большая стая собак, да с крупным, крепким вожаком. Таких в посёлке было превеликое множество. Не раз приходилось сталкиваться с ними. В таких случаях Марсик поступал мудро: в первую очередь подминал под себя вожака, устраивал ему такую трёпку, что тот орал благим матом, остальные с перепугу рассыпались, как горох. Марсик быстро усвоил своё преимущество перед другими собаками. Ростом он был с большую овчарку, но намного шире в груди. Это, очевидно, досталось по наследству от матери. В глаза бросался его великолепный торс. Мышцы крепкие, ровные и весь он, как литой. Молниеносный и мощный удар грудью, словно камень сбивал соперника с ног и тот, падая, непременно оказывался между передними лапами Марсика. А там и до глотки рукой подать!

Некоторые привередливые охотники находили “пробелы” в “образовании” Марсика. Да Матвей и не требовал от него “занудной учёности” – авось не на выставку готовились. Сам Матвей по природе молчун. Не любил охотиться компанией. Не любил потому, что некоторые люди имеют привычку беспардонно лезть к другим в душу. На охоте Матвей подолгу размышлял, мечтал, и собака как нельзя лучше подходила ему в компаньоны. При желании он мог с ней разговаривать, шутить, играть. Боже упаси, если собака была бы “пустышкой”. Такая и даром не нужна. Ему нужна была не ученая, грамотно отслеживающая дичь собака, а настоящий друг, готовый ради него пойти в огонь и в воду, не задумываясь рисковать собой, спасая того, с кем свела его судьба.

А судьбе было угодно распорядиться так, что Матвей и Марсик прожили вместе с добрый десяток лет. Если судьба при этом ставила перед ними определённые задачи, то и человек, и собака справились с ними на все сто процентов. И главное: они никогда не предали друг друга. Край Вечной Мерзлоты, где свела их судьба, не прощает оплошности и не знает слова “пощада”. Колыма – невидимое чудовище: когда человек или животное попадает в беду, значит, он находится в пасти у этого чудовища, челюсти которого медленно, но неукротимо сжимаются. Вырваться из них практически невозможно. Только искренняя дружба, крепкая, настоящая способна устоять перед Вечной Мерзлотой, заставить её отступить.

Глава 3. Расти большой, не будь лапшой!

О “пробелах” в воспитании Марсика Матвей как-то и не думал. Считал, что жизнь сама внесёт определённые коррективы. Главное, чтобы пёс беспрекословно выполнял “приказы” хозяина и не был ему ни в чём помехой. Это Марсик усвоил как дважды два. Если “рядом”, значит быть у ноги хозяина, пусть даже если впереди, в проулке какая-нибудь невестёнка -

вертихвостка вильнёт приветливо задом. Если “вперёд” – то ни вода, ни огонь не остановят его. Так надо! и точка.

Но случилось однажды непредвиденное, нештатная ситуация, о которой Матвей как-то и не подумал. Да и откуда он мог знать. На Колыме не имели понятия, что такое воровство, даже не слышали подобных случаев. В краю зеков и лагерей этого зла не существовало. Уходя из дома или квартиры, хозяева никогда не закрывали своё жилище на замок. Просто притыкали дверь на какую-нибудь палочку, на худой конец, вешали старый ржавый замок в проушину. Так, для вида, чтобы было понятно – хозяев нет дома. И никто ничего не трогал. Это уж потом, когда люди хлынули за длинным рублём, “узаконилось” воровство, появились бичи.

С воровством Матвей столкнулся на зимней рыбалке на реке Колыме. Там у него был домик-палатка с буржуйкой, с двумя лежаками, своего рода мини – дача. (Звучит-то как!!! Особенно сейчас. Дача на Колыме! Не на Канарах!). Домик-палатку Матвей мастерил на двоих. Думал Матвеевну приобщить к этому делу. Но женщина, есть женщина. Не трепещет у неё сердце при виде большой лунки в двух метровом льду. Вот это не понятно! Сидишь ведь перед лункой, как над огромным аквариумом и на дне всё до камушка видно. Как же такое чудо не может волновать?! А рыба, когда ходит?! И это не тронуло Матвеевну. Ну и ладно. Второй лежак всё равно сгодился: теперь на нём спал Марсик.

Ему было около девяти месяцев, когда Матвей взял его на серьёзное “дело”, – зимнюю рыбалку.

Клёв был изумительный. Только начало светать, пошла “работа” до седьмого пота. Причём, если Матвей “потел” над лункой, доставая из воды серебристых хариусов, то Марсик “принимал продукцию” за дверками палатки: пока, пойманный Матвеем хариус и выброшенный на лёд, с минуту другую дрыгался на пятидесятиградусном морозе, Марсик облаивал рыбину, тыкался в неё носом, чтобы она ещё “поплясала”, но хариус тут же замерзал, переставал двигаться. Переставал лаять и Марсик, недоумевая, что случилось с этой голяшкой. С опаской трогал её лапкой, переворачивал с боку на бок. Когда же она превращалась совсем в ледяшку, он терял к ней всякий интерес. Только отходил от неё – тут из палатки на лёд падал очередной хариус. И опять Марсик, громко тьякая, о чём-то спрашивал рыбу, тыкался носом, теребил её лапой.

На лай Марсика, оглашавшего русло Колымы, прибежала дворовая собачонка по кличке Вихляйка. Надо вам заметить, пренеприятная собачонка, эта Вихляйка. У неё раньше была другая кличка, какая, Матвей не помнил. Не трудно догадаться, за что она получила кличку “Вихляйка”: великолепный мастер подхалимажа, она наизнанку выворачивалась, чтобы вымолить кусочек хлеба у незнакомого человека. Так виляла хвостом при этом, что задние ноги не стояли на месте, и вся она вихлялась из стороны в сторону. Таким образом приоровилась кормиться вокруг людей. Увяжется за грибниками, знает, что те будут обедать и ей что-то перепадёт. Грибникам ладно, а охотникам каково, если Вихляйка привяжется за ними?!

Как-то ещё давно, когда Марсика и в помине не было, увязалась Вихляйка за Матвеем. Он шёл охотиться на уток. Она за ним. Как не прогонял Матвей её, что об стенку горох. Спрячется за кусты, переждёт момент и опять за охотником. Утка, она же не дура! Ни за какие коврижки не сядет на озеро, если по берегу шастает собака. Не охота получилась, а так одна нервотрёпка.

И сейчас, увидев в открытую дверку палатки, как Марсик с Вихляйкой “здоровались”, Матвей не испытал особой радости. Такой “приятель” ничему хорошему мальчика научить не сможет. Матвей погнался бы глупую собачонку прочь, но уж больно хорошо ловилась рыба и было не до того. Горный хариус спускался в низовье реки и отдыхал в ямах. Не зря их “лаптями” называют. Огромные! Спинной плавник с ладонь будет, если пальцы пошире растопырить. Но больно привередливые, не всякий рыбак находил с ними “общий язык”. У Матвея это как раз не плохо получалось.

Пока Матвей “таскал лаптей”, Марсик с новым своим приятелем устроили возню вокруг палатки, мотались туда – сюда. То пропадали, то появлялись.

К обеду клёв прекратился. Матвей вышел из палатки размяться. Вышел и удивился:

–Друзья, а где вся рыба? – громко спросил он у собак потому, как кроме них на льду никого не было. Соседи в палатках ещё рыбачили, и вряд ли кто-то из них бросит такой клёв, чтобы как-то подшутить над Матвеем, спрятать рыбу. Такого вообще никогда не было.

Марсик прекратил возню, остановился, стал пристально смотреть на хозяина. Вихляйка же сразу смикитила в чём дело и на полусогнутых дала дёру. Не дай бог рыбак узнает, чьи это проделки, Вихляйке несдобровать. Хвост поджала и тикать без оглядки, – куда глаза глядят.

Из ближайшей палатки вышел парень. Тоже решил размяться, услышал как раз разговор Матвея с собаками.

–По нужде я выходил час назад, – сказал он, – видел, как собачки рыбу таскали вот туда к берегу, и в снегу прятали. Я тебе кричал, а ты, наверное, не слышал.

–Ну-ка идём, – сказал Матвей Марсику, – показывай следы преступления.

Рыба оказалась целёхонькой и невредимой. Вихляйка прятала её на всякий случай, как говорится на “черный” день. А Марсик просто помогал другу, как бы за компанию.

Пинком вышвыривая каждую рыбину из-под снега на лёд, Матвей прочитал Марсику целую лекцию:

–Ну, тот ладно – прохиндей. Ты-то, лопушок, чего уши развесил... Это же наша с тобой рыба. Вот к чему плохое знакомство приводит.

Под конец Матвей, тыча носом Марсика в рыбу и в снег, устроил ему поучительную трёпку, приговаривая:

–Расти большой, не будь лапшой!

Глава 4. На тихой охоте

–Тебе чай покрепче заварить? – спросила Матвеевна, собирая мужа на охоту. Делать это она считала своей святой обязанностью. Не дай бог в спешке муж что-то забудет! Это ведь не у печки сидеть перед телевизором.

–Вообще не надо заваривать, – ответил Матвей, укладывая вещи в рюкзак. – Просто кипяточку в термос налей и всё тут.

–Что так? – встревожилась жена. Такого никогда не было. Без чая! на охоту?

–Чай я вскипячу в охотничьей избушке на буржуйке.

–Зачем же тогда кипяток?

–Займусь тихой охотой. Надо разочек попробовать. Говорят интересно... Поддай мне вот тот свёрток.

–Как это? Просвети темную душу, -поинтересовалась жена насчёт тихой охоты, подавая мужу указанный свёрток.

–Есть необычный способ ловить куропатку, – подробно стал рассказывать Матвей, зная, что в любопытстве его жена не имеет себе равных. – Наливаешь кипяточку в бутылку из-под шампанского. Затыкаешь её. Горячим горлышком бутылки делаешь в снегу лунку, конусно -образную вмятину. Подтаявший от горячей бутылки снег тут же от сильного мороза схватывается ледяной корочкой. Берёшь брусничку, кстати, где она?

–В майонезной баночке, вон в том кармашке, – Матвеевна пальцем ткнула в названный кармашек на рюкзаке.

–Так вот, значит, беру брусничку и кладу её на самое дно лунки. Куропатка увидит ягоду, – головой нырнет в лунку, а вылезти обратно уже не сможет.

–Почему? – удивилась жена.

–А как же она вылезет? У неё же перья на шее станут враспырку, упрутся в ледяную корочку и не пустят её.

–Какой ужас, – испугалась Матвеевна, – уж лучше из ружья, -без всяких мук: бах и готово.

–Нет, ружьё я брать не буду.

–Как же без ружья-то? – не на шутку встревожилась жена. – А волки? А медведи!

–”Волки... медведи”, – передразнил Матвей жену. – Откуда им там взяться? Там только куропатка и зайцы. Кстати, не забыть петли сделать, – Матвей вышел в сени и вернулся с мотком проволоки похожей на балалаечные струны.

–Может, возьмёшь ружьё?! – закапризничала Матвеевна, как ребёнок, выпрашивая мороженное. – Я вся изведусь...

–Да не волнуйся, – Матвей положил свои руки на талию жены, – со мной же Марсик будет.

–Медведь налетит и Марсик не поможет, – возразила жена.

–Во-первых, январь на дворе. Медведи десятый сон досматривают в берлогах. Во-вторых, Марсик-то как раз и поможет, если что, – Матвей продолжал держать руки на талии жены. – Марсик его, ведьмедя-то, цап за пятки, – с этими словами Матвей пальцами нажал на талию -как раз в том месте, где жена боялась щекотки. Матвеевна засмеялась, отпрянув, а Матвей продолжил, – медведь вот так же загогочет, а я его топориком тюк по голове.

–Да и топор тогда не бери, – будете щекотать друг друга: он тебя, ты его.

–Нет, топор нужен. Я же иду дверь в избушке ремонтировать. С таким трудом открыва-ется, вся перекосилась. В апреле собираемся с ребятами на глухариный ток, а в избушке холод собачий будет.

Марсик на улице ждал Матвея: его голос доносился через открытую форточку кухонного окна. Подбегал пёс и к двери, царапался, торопя Матвея. Марсик уже с утра был “на взводе”. Душой чувствовал, что идти на охоту, всё время надоедал Матвею: то лизнёт руку, то ткнётся носом в коленку. Когда Матвей стал открывать сарай, чтобы взять там лыжи, Марсик от восторга стал прыгать до самых плеч хозяина. Чтобы утихомирить неуёмную радость пса, Матвей сунул ему в пасть поводок от лыж и скомандовал: “Вперёд!”

Путь предстоял не ближний. Километра четыре по зимнику, лесом километра три до распадка, да по распадку километра четыре до хребта. Больше десятка километров набиралось до избушки. Матвей рассчитывал добраться туда до вечера, попутно поставить петли на зайцев, испробовать новый способ ловли куропаток. До темна отремонтировать дверь, переспать в избушке и утром на обратном пути собрать “урожай” тихой охоты и спокойно вернуться домой, -завтра по телевизору хоккей –наши играют с канадцами.

По зимнику шагалось легко, будто под горку. По лесу шли гуськом: Матвей на лыжах впереди, а по его следу Марсик.

–Во-о навалило снегу-то, – говорил Матвей, шаркая лыжами и уминая снег, чтобы собаке облегчить путь. – Выше колена. С метр будет, если не больше. Это куропатке на руку, – есть, где разгуляться. Марсик терпеливо шёл за хозяином, стараясь не наступать на лыжи. Хозяин не разрешил ему челночить. Слишком много снега, чуть ли не с головой скрывал собаку, а потом какой смысл челночить, – ружья-то все равно нету.

После обеда мороз усилился, покусывал за уши. Чтобы не развязывать шапку, Матвей натянул на голову капюшон куртки. Из нерпичьей шкуры, капюшон вроде бы тяжеловат для головы, зато ушам и лицу, – как – будто из дома не выходил.

В самом начале распадка с правой стороны ягодные места. В том, как раз месте Матвей сделал с десяток лунок-ловушек.

–Голь на выдумки хитра, – ухмыльнулся Матвей, -Не иначе как дефицит патронов или пороха натолкнул охотников придумать такой способ ловли куропатки, – пока делал ловушки, Марсик пытался “помогать” хозяину. Приходилось то и дело одёргивать пса, чтобы не совался не в своё дело, а петли на зайцев Матвей ставил и вовсе один.

–Сидеть! – скомандовал хозяин, за десяток метров увидев заячью тропу. –Ты мне всю малину испортишь, затопчешь все следы. Посиди маленько, отдохни. Я мигом пяток петель поставлю и всё.

Марсик терпеливо дождался хозяина, так же терпеливо плёлся за ним до перевала. И только на макушке сопки, где редкие ветра сдували снег, почувствовал мал-мала свободу, “челночил” от куста к кусту до самой избушки.

Матвей с трудом отворил дверь.

–Как тебя перекосило-то, – посмотрел Матвей на кривое дверное полотно. – Ничего, поправим, – снял рюкзак и топор, положил на лежак. Марсик запрыгнул на другой лежак. – Устал что ли? – спросил он собаку и, не дожидаясь ответа, сказал, – ну отдохни. Я сейчас чаю вскипачу, перекусим и начну дверь править. Стол тоже шатается, надо укрепить, – левой рукой Матвей пошатал стол, что рядом с лежаком. Над столом полки с провизией: крупа, сахар, чай. Тут же несколько свечек, спички, старые журналы “Вокруг света”. Эти столь необходимые вещи –постоянный атрибут охотничьих избушек на Колыме. Попал человек в беду, занемог, – на первый случай в избушке для него всегда припасено. Каждый охотник, уходя домой, оставляет в избушке охапку сухих дров, чай, сахар, не съеденные консервы и обязательно спички, – огонь на Колыме – это жизнь.

Матвей достал из рюкзака пачку макарон, пшеничную крупу, банки с тушёнкой: всё поставил на полку. Налил в чайник воды из бутылки из-под шампанского. Охотничьим ножом настрогал стружку, положил в буржуйку, кинул дровишек, чиркнул спичкой. Пламя змейкой поползло по сухой стружке, затрыкало, затрещало: трык, трык. Тонкая струйка дыма вырвалась из печки, пошла, потянулась сизым шлейфом к окну, к свету. Матвей любил этот момент. Момент зарождения жизни! Холодную избушку окропил первый запах дыма. Сейчас запоёт жестяная труба буржуйки. Холод начнёт отступать. С неохотой. Не сразу, а постепенно жизнь станет отвоёвывать позиции у Вечной Мерзлоты. Неведомая глазу борьба! Каким-то десятым чувством Матвей улавливал её, эту борьбу, неподдельно радовался её появлению. Вот уже и чайник подхватил известную только ему песню и вторит, вторит жестяной трубе иногда согласно, иногда вразрез, но всякий раз к стати. Вот и пар уже валит из соска. Чайник литой, лагерный. Он, как и избушка, и буржуйка, остался здесь со времён лесоповала. Сколько душ обогрел и порадовал! и теперь продолжал служить верой и правдой охотникам.

–Гляди как задубели, Матвей достал из рюкзака буханку хлеба и постучал ей по столу, как кирпичом, –Колбаса тоже ледышкой стала. Шли – то всего ничего, а всё позамерзло. Морозец – будь здоров! –Матвей положил два полешка рядом с чайником на буржуйке, на них приладил хлеб с колбасой, –пусть оттают маленько, а я пока пойду под навес, дровишек наколю, –поднял с пола топор, направился к выходу. Марсик привстал и уже готов был прыгнуть с лежака вслед за хозяином, но тот движением руки остановил его. – Лежи, лежи. Будешь только под ногами путаться, – Марсик почему-то не любил, когда махали руками в его присутствии, а тем более били по чём– либо. Матвеевна как-то шутя замахнулась на мужа, пёс кинулся к ней, без всякого зла стал на неё лаять, словно ругался, мол, зачем же драться. Матвей тут же попробовал замахнуться на жену, Марсик и к нему подлетел с “руганью”. Так вот почему, когда Матвей колет дрова, Марсик так и норовит выхватить полено из-под топора. Постоянно мешает, пока хозяин не прикажет ему убраться.

Выходя из избушки, Матвей приподнял дверное полотно, поплотнее прикрыл за собою дверь, чтобы тепло не выходило, а сам пошёл к навесу, где ещё с прошлого лета лежали чурбачки, заготовленные им, когда собирал здесь белые грибы. (Тут их на старых делянках в иные годы бывает видимо-невидимо).

Марсик наострил уши, прислушиваясь к затихающим шагам хозяина, по мере их удаления крутил головой, улавливая шорохи за стеной. Вот хозяин подошёл к большому пню-колоде, где всегда он колет дрова. Слышно было, как лезвием топора сгребал снег с колоды.

Легким ударом вонзил топор в пень, пошёл за чурбаком под навес. Хрустел снег под ногами, чиркали, цепляясь, один унт за другой. Потом послышался непонятный шорох, будто большая глыба снега зашуршала по веткам дерева, упала вниз. Послышалась какая-то возня. Марсик соскочил с лежака, подбежал к двери, прислушался. С улицы доносилось рычание и кто-то то ли зубами, то ли когтями рвал чью-то шкуру.

–Марсик!– донеслось за стенкой. Голос приглушенный, такой, какой бывает, когда рот прикрывают варежкой или рукавом. Марсик упёрся лапами в дверь, как он делал дома в тех случаях, когда надо было выйти. Дверь не поддавалась, а только качнулась, подлая. Пёс отбежал к столу, с разгона ударился грудью в дверное полотно. В драках ни одна собака не выдерживала его мощного удара, но дверь, зараза! только притворно скрипнула. С улицы донёсся крик Матвея. Марсик впервые слышал, как хозяин вскрикнул от боли, будто его полоснули ножом по живому телу:

–Аааа!

Марсик раз за разом бился в дверь грудью, а она ни с места, как – будто на засове. Когда Матвей выходил, приподнял её, плотнее прикрывая, и теперь она своей кривизной упёрлась в порог намертво. Только приподняв, можно было открыть её. Матвей не придумал этому значения и спокойно пошёл к навесу. Смахнул снег с колоды, воткнул топор в пенёк и пошёл за чурбаком. Около навеса он нагнулся за дровами и тут с сосны посыпался снег, что-то тяжёлое рухнуло на Матвея сзади, прямо на шею. Падая ничком на землю, он ещё не понял, что произошло, и вздрогнул от мысли ”если бы не капюшон, весь снег оказался бы за воротником”. Случилось это так неожиданно, что падая, Матвей лицом наткнулся на небольшие лиственницы, торчавшие из снега. Резкая боль в глазах, обильные слёзы и красные круги перед глазами отвлекли его буквально на секунду. Когда же он опомнился, почувствовал, что кто-то упорно драл кожу его капюшона. Слышно было, как острые когти вспарывали нерпичью шкуру, а чья-то пасть, грозно рыча, чавкала над самым ухом.

“Росомаха” – мелькнуло в голове Матвея, первое, что надо сделать это подняться, подойти к стене или дереву и удариться спиной, чтобы зашибить зверя. Как это сделаешь?! Где стена, где дерево? Кромешная темнота, из глаз по лицу продолжали течь то ли слёзы, то ли кровь. Поднимись неосторожно, – зверюга вцепится в лицо и горло. Сейчас, лёжа ничком, он на какое-то время был в безопасности. ”Марсика позвать?” – мелькнуло в голове Матвея и машинально сорвалось с губ: ”Марсик!” и тут же подумал, что Марсик не справится с росомахой, и только погубишь собаку. Матвей изловчился, голой рукой попытался схватить зверя за лапы, сбросить её и быстро подняться. Мгновение! и ладонь будто в циркулярку попала! Захрустели кости пальцев, тёплые струйки потекли к локтю. Матвей вскрикнул от дикой боли, закрывая лицо руками.

Матвей за вознёй росомахи слышал лай и скулёж Марсика и понял, почему тот до сих пор остаётся в избушке. Удары грудью гулко отзывались в морозном воздухе, но ни человек собаке, ни собака человеку помочь не могли. Судьба их разделила и заставила мучаться отдельно друг от друга. Человек быстро перебирал варианты спасения и не находил их. Благо, толстая нерпичья кожа на капюшоне пока спасала его. Надолго ли хватит её?

Тут Матвей услышал звон бьющегося стекла. Марсик ломанулся через окно, вышиб стекла, взвизгнул, напоровшись на гвозди, упал в снег. Ни мгновения не мешкая, рванулся к Матвею, молнией бросился на зверюгу, сшиб её с Матвея, и клубок рычащих тел закипел в снегу, катаясь то туда, то сюда. Матвей вскочил на ноги. Первым делом необходимо найти топор и помочь Марсику. Второпях он споткнулся о колоду, топор отлетел в снег. Ногами на ощупь Матвей попытался найти топор, но тщетно. Тот, как в воду канул. Матвей вспомнил про охотничий нож, висевший на поясе. Привычным движением расстегнул крепление, выхватил нож. По слуху определил место схватки животных, двинулся к ним. Вот они у его ног. Но где друг, а где враг? Как определить, – глаза по-прежнему закрыты. Раненой рукой, уцелевшими

пальцами Матвей попытался разомкнуть веки, приоткрыть левый глаз, в котором меньше чувствовалось рези. Боль полоснула по глазу, ручьём покатались слёзы по щеке. Матвей сильно сдавил веки друг к дружке. Ну, хотя бы чуть-чуть увидеть! кто берёт верх, и не нужна ли помощь другу? А клубок звериных тел в снегу шипел, рокотал, брызгал слюной.

Левый глаз немного остепенился, появились какие-то контуры на белом полотне, но слеза по-прежнему застилала видимость. Матвей упорно не отпускал веки, придерживая их пальцами. Будет же конец этой слезе когда-нибудь!

Марсик уже повизгивал. Он слишком долго держался. Противостоял не кому-нибудь, а самому дьяволу. Так на Колыме зовут росомаху. Медведь не связывается с ней, обходит стороной. Сохатому или оленю она может запрыгнуть на спину и грызть загривок, пока тот, обессилев, не упадёт.

Наконец-то, пелена с глаз спала, и Матвей увидел ужасную картину: Марсик лежал на спине, лапами пытался оторвать от себя росомаху. Орал он уже во всю мочь. Матвей видел только спину и лопатки росомахи. Мелькнула в воздухе сталь на мгновение, нож по рукоятку вошёл между лопаток зверя. Росомаха скорчилась, силясь клыками дотянуться до ножа.

Матвей сгрёб Марсика в охапку и что было сил, бегом побежал в избушку. Положил собаку на стол. Кожа на брюшине Марсика повисла ключьями, а грудная клетка превратилась в кровавое месиво. Матвей скинул одежду, порвал рубашку, фланелью стал аккуратно расправлять полоски кожи на ранах, придавая месту первозданный вид. Марсик визжал от боли, пока Матвей расправлял полоски кожи, лизал то свои раны, то руки охотника. Тёплая слюна собаки бальзамом проникла в покусанные места на руке Матвея. Рана вначале щипала, слегка ныли кости пальцев, но от прикосновения языка Марсика боль в руке постепенно утихала. Легче стало и собаке: она уже не скулила, а молча зализывала изодранные места.

–Ничего! До свадьбы всё заживёт, – приговаривал Матвей, поправляя полоски кожи. – Должно зажить! Не зря же говорят:” Заживёт, как на собаке!”

Часть вторая. Если друг оказался вдруг

Глава 1. На волоске от смерти

Матвей возвращался с работы домой. Возле сарая увидел чужие следы, припорошенные снегом. Следов много. Видно, не один топтался у двери и вдоль стен. Удивительное дело! Дверь сарая притворена. Обычно Матвей оставлял её приоткрытой. Всегда, завидев ещё издали хозяина, Марсик радостно встречал его, гремя цепью о дверь. Теперь в сарае – ни Марсика, ни привязи. Только изогнутый гвоздь, на котором крепилась цепь, одиноко торчал в деревянной стене. Тревожно кудахтали куры за перегородкой.

Здесь явно побывали непрошеные гости. Гвоздь, сделанный скобой и загнанный Матвеем в бревно наглухо, был, с одной стороны, отогнут. Марсик при всей его силе не мог с ним справиться, – разогнуть. К тому же, на бревне остались свежие вмятины, – поддевали гвоздь отвёрткой или ножом. Кто? Кому понадобился Марсик? Если его выкрал завистливый охотник, то это глупо: Марсик не иголка, скрыть его в посёлке не возможно; рано или поздно собака обнаружится. Значит воровали с другой целью. Кому-то приглянулась красивая шкура на унты? Мало вероятно. Одной шкуры на два унта не хватит, а другой такой собаки в посёлке просто нет. Оставалось только одно: Марсика украли бичи.

На Колыме две напасти: тараканы и бичи. На земле, согласно предсказаниям, может согнуться всё. Возможно, но только не бичи и не тараканы. До того схожи, твари, своей неприхотливостью! Довольствуются самым малым. Оттого, наверное, бич– это не продукт жизненных передряг, это– состояние души: умру с голода, – лишь бы только ничего не делать. Корка хлеба на помойке – сытный обед, а уж недопитая кем-то бутылка пива– целое пиршество. Встречаются среди бичей и “гурманы”: питаются исключительно псиной. Выбирают молоденьких собак, таких, как Марсик, сытых, упитанных.

Размышляя, Матвей ходил возле сарая, осматривал следы, терявшиеся на дороге.

Вскоре подошла с работы и Матвеевна. Узнав о случившемся, сразу в слёзы:

–Кто? – всхлипнула она в кулачок, – кому он понадобился?

Матвей не стал расстраивать жену своей догадкой о бичах, но масла в огонь подлила соседка, глухонемая Глаша. Когда Матвей вернулся с работы и ходил вокруг сарая, она следила за ним через занавеску, но вида не подавала. Глаша стеснялась своего физического недостатка, потому редко выходила на улицу и встречи с людьми старалась избегать. Правда, это не касалось Матвеевны, которая своею простотой могла расположить к себе кого угодно. Как только она появилась возле сарая, Глаша отклонила занавеску в сторонку, постучала кулаком в раму, поманила к себе Матвеевну. Жестами стала объяснять, что случилось с Марсиком. Сквозь слёзы и всхлипывания, не отнимая кулочка от дрожащих губ, Матвеевна вслух расшифровывала жесты Глаши:

–Пришли трое бичей... один длинный-длинный, как журавель... он стоял “на атасе”... второй, -со шрамом на лице, такой страшный крепкий верзила, держал в руках стёганую фуфайку... белобрысый, совсем безбровый орудовал деревянной рогатиной... прижал Марсика к стене... крепыш накинул на Марсика фуфайку... пошли закоулками в сторону котельной. – Глаша, жестикулировала руками, глядя на Матвеевну заплаканными глазами, как -будто это у неё что-то ценное украли.

–Ужас! -Матвеевна широко раскрыла глаза, мысленно пытаясь охватить взором картину, обрисованную Глашей. – Зачем он им нужен? – теребя свободной рукой мужа за полу куртки, спросила Матвеевна.

–Я бы тоже хотел это знать, – злобно сверкнул глазами Матвей. Его догадка подтвердилась, но нисколько не обрадовала. Может быть Марсика уже в живых нет, и сейчас потрясать разговорами воздух не было смысла. Надо попытаться хотя бы что-то разузнать. Это пролило

бы хоть толику света. Душа Матвея закипала злобой, но он не подавал вида, чтобы успокоить жену, не торопливо сказал, – наверное, решили продать какому-нибудь охотнику, – подумав немного, всё так же сдержанно добавил, – отыщется. Куда ему деться, – Матвей пальцами дотронулся до кулачка жены, продолжавшего прикрывать дрожащие губы, – готовь ужин, а я пойду к пивбару, поспрашиваю бичей. Может, что узнаю.

Темнело. От вечерних сумерек сплошной туман над посёлком становился всё гуще, ещё плотнее. Лампы уличного освещения, не выключавшиеся зимой даже на день, замерли в не естественной красноте, как новогодние шары на ёлке: ни лучей от них, ни блеска. Целые гирлянды таких шаров зависли в центре посёлка у гастронома, универмага, Дома культуры.

Матвей шагал широко, размашисто, не шёл, а летел. Хотелось быстрее узнать о судьбе Марсика. Мысль, что собаки нет уже в живых, Матвей гнал прочь от себя. Отвлекался тем, что составлял план действий. Он знал закоренелого бичару по кличке Свеча. Бич, действительно, всей фигурой походил на восковую свечу. Природа посмеялась над ним: имея рост более двух метров, Свеча бедствовал с одеждой. Приходилось подпарывать рукава и штанины, но и это не спасало. Нужно было всё надшивать, а это занятие не для бича. До глубоких холодов цаплей ходил среди своей братвы в коротких штанишках, с неприкрытыми по локоть руками. С первыми морозами облачался в валенки и рукавицы.

Свечу долго искать не пришлось. Он стоял в пивбаре за последним столиком, допивал, оставленную кем-то, бутылку пива. Свеча был один. Подельников, о которых рассказывала Глаша, рядом не было.

В предварительных планах Матвей хотел заплатить некую сумму Свече, чтобы узнать хоть какую-нибудь информацию о Марсике. Но бич пил пиво и это внесло в планы определённые коррективы. Когда бич голодный, когда его душа бежит по закускам на витрине, тогда он не задумываясь, соблазнится на подачку. Сейчас Свеча был сыт и нос в табаке. К таким с подачкой лучше не подходи. На сытый желудок у бичей на какое-то время просыпалось чувство человеческого достоинства. Они могли обидеться, когда с ними непочтительным образом обращались, мол, мы не из таковских, знаем себе цену. Но все они: и сытые, и голодные – страшные трусы, не умеющие постоять за себя. Таково положение бича: он, как и таракан, ценности большой не представляет. Его можно, как считают некоторые, прихлопнуть, словно комара. Ну и что! Их столько развелось на Колыме. Одним больше, одним меньше. Бичей в милиции за людей не считают и в судах за них постоять некому. Отсюда покорность и трусость в их душах.

Матвей и это учёл в своих планах. Дело не в деньгах, которые он намеревался заплатить Свече. За Марсика Матвей готов отдать любую сумму. Лишь бы это пошло на пользу делу, в чём он, увидев захмелевшего бича, как раз усомнился.

Матвей подошёл к Свече и неожиданно мёртвой хваткой взял его за руку чуть выше локтя. Бич присел от боли. Его дряблую, слабую ручонку сдавило прессом.

– Оставлю в живых и бить буду не очень долго, если скажешь, что с собакой, которую взяли сегодня в сарае, – низким басом внятно и с расстановкой сказал Матвей. Его пальцы железными клещами давили костлявую руку бича, причиняя долговязому нестерпимую боль. – Ну-у-у!

Свеча присел на корточки. Ему казалось, кости руки вот-вот превратятся в труху. Боль шла не от мышц, а из самой сердцевины кости, и такая нестерпимая, словно туда финку воткнули. Бич ни на минуту не сомневался, что пришёл конец. И глаза Матвея, и блуждающие по его скулам желваки другого бичу не сулили. Бич не вскрикнул, а взвизгнул резаным поросёнком. Матвей тут же отпустил его руку, поняв, что атака удалась на славу. И, действительно, после такой мёртвой хватки покойник заговорит и расскажет, что было и чего не было.

– Шеф, всё расскажу только не убивай! – долговязый согнулся в три погибели и верещал совершенно детским голосом. – Ей-богу расскажу...

Матвею было жаль существо в облике человека, корчившегося от боли. Но ещё больше в эту минуту он переживал за Марсика. Что с ним?

Тем временем, когда Матвей “пытал” Свечу, Марсик сидел на цепи в одном из коллекторов теплотрассы. Правда, прежде чем смириться со своей участью, он наделал шороха живодёрам. Поняв, что защиты ждать не от куда, решил сам постоять за себя. Когда бичи спускались по лестнице в люк тёмного и неопрятного колодца, изловчившись, Марсик цапнул за руку коренастого бича. Тот взвыл от боли и выпустил пса. К сожалению, это произошло на дне колодца, а не на улице, где Марсик непременно удрал бы. В бетонном полу торчали куски арматуры. На один такой конец проволоки цепь оделась звеном и ни с места. Бичи воспользовались этим, загнули конец арматурины, правда, не без потерь: Марсик успел цапнуть за локоть второго бича. Во злобе долго хрипел и рычал, рвал ошейник, но поделать ничего не мог. Лёг вдоль стены, глядя в тёмный угол на своих обидчиков, сопровождая каждое их движение злобным рыком.

Кардан и Гнида (так звали бичей) при тусклом свете огарка свечи перевязывали друг другу раны. Даже при открытом люке в коллекторе было душно и несло прогорклым запахом. Рядом с Марсиком стоял деревянный ящик. В него бичи складывали содранные и присоленные шкуры собак. Потом за мизерную цену сдавали их в пушфакторию. Соседство с ящиком раздражало Марсика. Ещё бы! Словно присутствовал на своих похоронах. Пёс нутром чувствовал, – там лежат остатки его сородичей. Огненным взглядом пёс сверлил своих врагов. Каждое движение бичей вызывало оскал пасти. С языка капала слюна, полная собачьей ненависти. Была бы его воля, разорвал бы их в клочья, не задумываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.